

СУБУРБАНИЗАЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЗАИКА ГЛОБАЛЬНОГО ТРЕНДА⁸

Григоричев Константин Вадимович,
доктор социологических наук, проректор по научной работе
и международной деятельности
Иркутского государственного университета, г. Иркутск
E-mail: grigorichev@yandex.ru

Статья посвящена анализу динамики субурбанизационных процессов в Сибирском и Дальневосточном Федеральном округах. На основе данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также данных текущего учета населения показано, что процессы роста населения пригородных территорий на востоке страны имеют положительную динамику. Предложена гипотеза о ведущей роли рынка земли как фактора роста внутренних и внешних пригородов, что определяют темпы роста населения пригородных территорий.

Ключевые слова: субурбанизация, Сибирь, Дальний Восток.

SUBURBANIZATION IN THE EAST OF RUSSIA: THE REGIONAL MOSAIC OF THE GLOBAL TREND

Grigoriev Konstantin Vadimovich,
Irkutsk State University, Irkutsk

The article is devoted to the analysis of dynamics of suburbanization processes in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. Based on the data of all-Russian population censuses of 2002 and 2010, as well as current population figures, it is shown that the processes of population growth of the suburban areas in the east of the country are improving. A hypothesis about the leading role of land market as a factor in expansion of internal and external suburbs, which will determine the population growth rates of suburban areas is proposed.

Keywords: suburbanization, Siberia, Far East.

Одним из значимых трендов развития провинциальной России или, во всяком случае, ее восточной части в последние 2 десятилетия

⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 16-06-00072).

тия становится все более заметный рост пригородного расселения. Как показала чрезвычайно продуктивная дискуссия 2017 г. [*Что мы знаем...* 2017], субурбанизационные процессы фиксируются исследователями в самых разных регионах страны. Это, на мой взгляд, позволяет говорить уже не об отдельных кейсах, описываемых исследователями [Бреславский 2014; Григоричев 2013; Казакова 2017 и др.], но о проявлении в России масштабной «постсоциалистической пригородной революции» [Stanilov, Sykora 2014]. Анализ динамики населения пристоличных территорий российских регионов показал рост пригородов в более чем половине субъектов РФ, включая и регионы-доноры, численность жителей которых в целом уменьшается [Мкртчян 2017].

Для регионов востока страны (Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, далее – СФО и ДФО) формирование новых доминант в распределении населения чрезвычайно важно. Прежде всего, как фактора удержания населения в условиях сохраняющегося «западного дрейфа» миграции и ожидания нового спада рождаемости. С другой стороны, бурное развитие пригородов оказывается неожиданным феноменом для региональной власти и серьезной проблемой муниципального управления.

В этом тексте я хочу проанализировать рост пригородных районов в регионах СФО и ДФО и попытаться увидеть, существуют ли какие-либо зависимости в динамике от масштабов городов-столиц, специфики территории и некоторых других факторов. Статистический анализ строится на данных переписей населения 2002 и 2010 гг. (ВПН-2002 и ВПН-2010), а также оперативных данных о численности населения на начало 2017 г., предоставляемых базами данных Росстата. Имеющиеся данные определяют два условных этапа (2002–2010 и 2010–2017), в рамках которых можно выстроить анализ. Подчеркну, что это именно условные этапы, выделенные не по качественным характеристикам, а по имеющимся данным, и используемые лишь для выявления динамики рассматриваемых процессов.

Для статистического анализа пригороды определялись как муниципальные районы, непосредственно примыкающие к городским округам – региональным столицам по методике, апробированной Н.В. Мкртчяном [2017]. Принимая условность такого выделения пригородных («пристоличных») территорий, на которую указывает автор, и, как следствие, сложность «делимитации» пригородов и не пригородов, необходимо оговорить еще несколько важных ограничений данной методики.

Прежде всего это неполнота данных о наличном населении, связанная со спецификой статистического учета. Поскольку такой учет ведется по факту регистрации по месту жительства/пребывания, значительная часть населения, фактически проживающая в пригородной зоне, но не зарегистрированная там, в число жителей соответствующей субурбии не попадает. Полевые исследования показывают, что число таких неучтенных статистикой пригорожан может быть весьма велико как в случае формирования пригородов за счет миграции из сельской местности [Бреславский 2014], так и в случае преимущественного выхода пригорожан из города – регионального центра [Григоричев 2013]. Рост численности пригородного населения за счет сезонной миграции вообще плохо поддается статистическому учету [Махрова 2015]. Во-вторых, определение пригородных районов проводилось по принципу территориальной близости: в качестве таковых рассматриваются муниципальные районы, прилегающие к региональной столице. При этом очевидно, что такие районы могут являться зоной пригородного расселения, а могут и нет, что определяется комплексом факторов, действующих в конкретном муниципальном образовании. Это обстоятельство, несомненно, размывает результаты процессов, протекающих в пригородах. Наконец, в-третьих, территориальные масштабы муниципальных районов в восточных регионах России заставляют оговариваться, что часть их населения, вне сомнения, не являются жителями пригородов. Отдельные поселения таких районов могут быть удалены от регионального центра на 40–50, а иногда и более 100 километров. Однако собственные исследования в Иркутской, Омской области, наблюдения в Томской области, Алтайском и Хабаровском краях, исследования А.С. Бреславского в Республике Бурятия показывают, что рост численности населения таких районов происходит преимущественно за счет поселений, формирующих субурбию региональной столицы. Возникающая здесь ошибка в некоторой степени компенсирует недоучет населения пригородов, обозначенный выше, как первое ограничение. Тем не менее мне представляется, что обозначенные ограничения не означают несостоятельность подхода в целом.

Субурбанизационные процессы, фиксируемые в восточных регионах страны, протекают в условиях заметного сокращения численности их населения, прежде всего, в силу сохраняющегося «западного дрейфа» миграции. Как видно из табл. 1, можно достаточно

уверенно констатировать, что в нулевые и десятые годы в регионах СФО пригородные муниципальные районы, наряду с региональными столицами становятся важнейшей точкой притяжения населения. В межпереписной период (2002–2010) средние темпы роста населения пригородных районов в СФО составили 108 %, а заметная отрицательная динамика сложилась только в Томской области. Последний случай, однако, связан не с иными, нежели в других регионах процессами размещения населения, а с административно-территориальными преобразованиями, включившими наиболее динамично растущие поселения в черту Томского городского округа. Сокращение численности жителей пригородов в этот период произошло также в Омской области и Забайкальском крае, однако масштабы убыли здесь были значительно меньше, чем по регионам в целом.

Ситуация в регионах ДФО в этот период была иной: в большинстве субъектов округа численность населения пригородных районов убывала, а темпы убыли были лишь немногим меньше, чем по областям/краям в целом (табл. 2). Исключения составили Якутск и Благовещенск, ближние пригороды которых, по данным сервиса Google Earth, начали разрастаться за счет частной застройки еще в нулевые.

В 2010-е гг. темпы роста численности населения субурбий в СФО и ДФО заметно возросли. В Сибири средние темпы роста численности пригородов превысили 122 %, на Дальнем Востоке достигли 106,3 %. В этот период в Западной и Восточной Сибири не осталось ни одного субъекта с отрицательной динамикой населения в пригородных зонах, а в ДФО убыль населения в пригородах зафиксирована лишь в Еврейской автономной и Магаданской областях. Таким образом, можно достаточно уверенно констатировать, что процесс пригородного расселения имеет заметную положительную динамику. Отчетливо наметившаяся на первом из рассматриваемых этапов, субурбанизация в регионах востока страны на втором этапе становится одним из наиболее заметных трендов перераспределения населения на субрегиональном уровне.

Сравнение пригородного роста в регионах СФО и ДФО не позволяет выделить более или менее отчетливых зависимостей динамики субурбанизационных процессов от специфики регионов, но дает возможность наметить несколько важных, на мой взгляд, закономерностей и предложить в качестве гипотез их интерпретации.

Таблица 1

Динамика численности пригородного населения в регионах СФО

Регион	Год	2002	2010	2017	2010/2002	2017/2010	2017/2002
1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Алтай	Горно-Алтайск	53538	56933	63925	106,3%	112,3%	119,4%
	Пригородный(е) район(ы)	26306	28642	33042	108,9%	115,4%	125,6%
	иные территории	123103	120593	120040	98,0%	99,5%	97,5%
Республика Бурятия	Улан-Удэ	359400	404400	431922	112,5%	106,8%	120,2%
	Пригородный(е) район(ы)	43100	54500	123987	126,5%	227,5%	287,7%
	иные территории	578738	508800	428225	87,9%	84,2%	74,0%
Республика Тыва	Кызыл	104105	109918	116015	105,6%	105,5%	111,4%
	Пригородный(е) район(ы)	22678	27659	31506	122,0%	113,9%	138,9%
	иные территории	178727	170353	171029	95,3%	100,4%	95,7%
Республика Хакасия	Абакан	165197	165214	181709	100,0%	110,0%	110,0%
	Пригородный(е) район(ы)	23894	25559	25966	107,0%	101,6%	108,7%
	иные территории	356981	341630	329993	95,7%	96,6%	92,4%
Иркутская область	Иркутск	593604	587891	623736	99,0%	106,1%	105,1%
	Пригородный(е) район(ы)	59850	84322	119275	140,9%	141,5%	199,3%

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Красно- ярский край	иные территории	1928251	1756537	1665890	91,1%	94,8%	86,4%
	Красноярск	909341	974591	1083794	107,2%	111,2%	119,2%
	Пригородный(е) район(ы)	83477	84013	89850	100,6%	106,9%	107,6%
	иные территории	2882565	2744174	1701657	95,2%	62,0%	59,0%
Кемеровска я область	Кемерово	529934	521175	556920	98,3%	106,9%	105,1%
	Пригородный(е) район(ы)	39036	44487	47130	114,0%	105,9%	120,7%
	иные территории	2330172	2197473	2104794	94,3%	95,8%	90,3%
Омская область	Омск	1134016	1154116	1178391	101,8%	102,1%	103,9%
	Пригородный(е) район(ы)	94251	94086	100694	99,8%	107,0%	106,8%
	иные территории	850953	729463	693597	85,7%	95,1%	81,5%
Забайка- льский край	Чита	317183	308983	343511	97,4%	111,2%	108,3%
	Пригородный(е) район(ы)	62221	61203	65723	98,4%	107,4%	105,6%
	иные территории	848155	736921	669749	86,9%	90,9%	79,0%
Алтайский край	Барнаул	667646	664004	698057	99,5%	105,1%	104,6%
	Пригородный(е) район(ы)	88962	90807	107660	102,1%	118,6%	121,0%
	иные территории	2518464	2328948	1559963	92,5%	67,0%	61,9%

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Томская область	Томск	487838	528600	594063	108,4%	112,4%	121,8%
	Пригородный(е) район(ы)	85888	67400	73469	78,5%	109,0%	85,5%
	иные территории	472313	451394	411359	95,6%	91,1%	87,1%
Новосибирская область	Новосибирск	1425508	1473754	1602915	103,4%	108,8%	112,4%
	Пригородный(е) район(ы)	113047	110222	128716	97,5%	116,8%	113,9%
	иные территории	1153696	1081935	1047924	93,8%	96,9%	90,8%

Таблица 2

Динамика численности пригородного населения в регионах ДФО

Регион	Год	2002	2010	2017	2010/2002	2017/2010	2017/2002
1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Саха (Якутия)	Якутск	246279	295664	324651	120,1%	109,8%	131,8%
	Пригородный(е) район(ы)	32876	34904	36406	106,2%	104,3%	110,7%
	иные территории	670125	627960	601778	93,7%	95,8%	89,8%
Камчатский край	Петропавловск-Камчатский	198028	179780	180454	90,8%	100,4%	91,1%
	Пригородный(е) район(ы)	24086	22991	23311	95,5%	101,4%	96,8%
	иные территории	136687	119308	110964	87,3%	93,0%	81,2%
Приморский край	Владивосток	620689	616807	633414	99,4%	102,7%	102,1%
	Пригородный(е) район(ы)	176969	175733	179279	99,3%	102,0%	101,3%
	иные территории	1273552	1163957	1110423	91,4%	95,4%	87,2%

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Хабаровский край	Хабаровск	583072	577411	616242	99,0%	106,7%	105,7%
	Пригородный(е) район(ы)						
	иные территории	90179	85404	90875	94,7%	106,4%	100,8%
Амурская область	иные территории	763319	681054	626177	89,2%	91,9%	82,0%
	Благовещенск	222629	219847	229753	98,8%	104,5%	103,2%
	Пригородный(е) район(ы)	18673	19641	25960	105,2%	132,2%	139,0%
Магаданская область	иные территории	661542	590615	546039	89,3%	92,5%	82,5%
	Магадан	106425	102658	99626	96,5%	97,0%	93,6%
	Пригородный(е) район(ы)						
	иные территории	22923	18637	16623	81,3%	89,2%	72,5%
	иные территории	53378	35701	29321	66,9%	82,1%	54,9%
	Южно-Сахалинск	177682	181728	201985	102,3%	111,1%	113,7%
Сахалинская область	Пригородный(е) район(ы)	7491	7282	н.д.	97,2%	н.д.	н.д.
	иные территории	361522	308963	285359	85,5%	92,4%	78,9%
	Биробиджан	77250	75413	74095	97,6%	98,3%	95,9%
Еврейская автономная область	Пригородный(е) район(ы)	13018	11907	11380	91,5%	95,6%	87,4%
	иные территории	100647	89238	78742	88,7%	88,2%	78,2%
	Анадырь	11038	13517	15956	122,5%	118,0%	144,6%
Чукотский автономный округ	Пригородный(е) район(ы)	8007	6935	8288	86,6%	119,5%	103,5%
	иные территории	34779	30074	25578	86,5%	85,1%	73,5%

Преобладание национальных республик среди лидеров по темпам роста пригородов на первом этапе (между ВПН-2002 и ВПН-2010 – табл. 3) подталкивает к выводу о ведущей роли сельско-городской миграции, восполнявшей незавершенную урбанизацию советского времени.

Таблица 3

Регионы СФО и ДФО по темпам роста численности населения пригородных МО

2010/2002		2017/2010	
Иркутская область	40,9%	Республика Бурятия	127,5%
Республика Бурятия	26,5%	Иркутская область	41,5%
Республика Тыва	22,0%	Амурская область	32,2%
Кемеровская область	14,0%	Чукотский автономный округ	19,5%
Республика Алтай	8,9%	Алтайский край	18,6%
Республика Хакасия	7,0%	Новосибирская область	16,8%
Республика Саха (Якутия)	6,2%	Республика Алтай	15,4%
Амурская область	5,2%	Республика Тыва	13,9%
Алтайский край	2,1%	Томская область	9,0%
Красноярский край	0,6%	Забайкальский край	7,4%
Омская область	-0,2%	Омская область	7,0%
Приморский край	-0,7%	Красноярский край	6,9%
Забайкальский край	-1,6%	Хабаровский край	6,4%
Новосибирская область	-2,5%	Кемеровская область	5,9%
Камчатский край	-4,5%	Республика Саха (Якутия)	4,3%
Хабаровский край	-5,3%	Приморский край	2,0%
Еврейская автономная область	-8,5%	Республика Хакасия	1,6%
Чукотский автономный округ	-13,4%	Камчатский край	1,4%
Магаданская область	-18,7%	Еврейская автономная область	-4,4%
Томская область**	-21,5%	Магаданская область	-10,8%

**С учетом административно-территориальных преобразований.

В эту логику хорошо укладываются Республики Бурятия (доля городского населения по ВПН-2002 – 59,6 %), Тыва (доля горожан по ВПН-2002 – 51,5 %), Алтай (городское население по ВПН-2002 – 26,4 %), равно и аутсайдерское положение в этом ряду крупных промышленных регионов СФО и ДФО с заметным преобладанием горожан. Однако выводу о завершении советской урбанизации как ключевом факторе развития пригородных территорий в нулевые противоречат наиболее высокие темпы численности пригорожан в высоко урбанизированной Иркутской области, где городское население по ВПН-2002 составляло более 79 %. Противоречат такому выводу и высокие темпы роста пригородов Кемерово (городское население в 2002 г – 86,7 %) и Абакана (горожане – 70,8 %). С другой стороны, невысокие темпы роста пригородных территорий показал Алтайский край, где доля сельского населения по ВПН-2002 составляла лишь немногим меньше половины (46,8 %).

Таким образом, завершение советской урбанизации в нулевые действительно может рассматриваться как один из важнейших факторов роста субурбий, однако сводить к ней причины роста пригородов было бы, на мой взгляд, неверно. Отсутствие исследовательских работ по Кемеровской области и Алтайскому краю не позволяют уверенно экстраполировать на них материалы иркутского кейса, однако исследования в Иркутске 2009–2016 гг. показывают, что уже в межпереписной период формируется тенденция быстрого роста пригородов, в том числе за счет движения населения из крупных городов в пригородную зону.

Эффект этого тренда в последние годы становится все более заметным. Как видно из табл. 3, связать группы лидеров или аутсайдеров по темпам роста пригородных территорий на втором этапе с уровнем урбанизации стало еще сложнее, чем для предыдущего периода. Быстрый рост пригородов фиксируется и в относительно низко урбанизированных регионах (Бурятия, Амурская область, Алтайский край), и в субъектах с высокой долей городского населения (Иркутская и Новосибирская области). Пожалуй, единственной более или менее очевидной зависимостью является сокращение числа жителей пригородных территорий в регионах, где города – региональные центры теряют население (Магаданская и Еврейская автономная область). Можно утверждать, что стагнация региональной столицы определяет и отсутствие субурбанизационных процессов: пригороды не могут расти на фоне упадка города. В случаях же, когда региональный центр остается в общей логике формирования

точек притяжения миграции [Карачурина 2013], пригороды растут заметными темпами.

Таким образом, развитие системы пригородного расселения происходит как в регионах, только завершающих урбанизационные процессы, так и в высоко урбанизированных областях. В обоих случаях интерес к пригородам, вызванный экономическими мотивами или интересом к пригородному образу жизни [Walks 2013] ведут к перетоку населения в пригороды. Закономерен вопрос о том, что определяет динамику роста пригородных территорий? Почему в более или менее сходных регионах развитие субурбии фиксируется в разное время и в разных масштабах? Почему действие факторов, определяемых как универсальные для развития современной российской субурбанизации [Бреславский 2017] и «постсоциалистической пригородной революции» в целом [Hirt 2012; Stanilov, Sykora 2014] оказывается столь различными в казалось бы типологических близких регионах?

Одним из базовых условий, определяющих динамику роста субурбий городов на востоке России, на мой взгляд, можно определить инфраструктурную специфику городов – региональных центров. Речь идет не только и не столько о кризисе городской инфраструктуры, выталкивавшей жителей многоэтажек в периферийные районы [Бреславский 2017]. На мой взгляд, значительно важнее наличие в пределах города или городского округа пространств для реализации ценностей пригородного образа жизни, ставшего одним из важнейших элементов «пригородной революции» как в постсоветских странах [Stanilov, Sykora 2014], так и в развитии «страны пригородов» – США [Fava 1956]. Такими пространствами в советском городе являются, прежде всего, «частный сектор» и садоводческие товарищества (дачи), оказавшиеся в городской черте, а также межселетebные территории. Именно в этих пространствах в Иркутске, Омске, Барнауле, Хабаровске, Красноярске зафиксирована реализация горожанами модели жизни в «городе, но не как в городе». Чем обширнее пространство «частного сектора» – стигматизированной части советского города, наследия стремительной урбанизации середины XX в., тем больше условная «емкость» города для желающих сменить городской образ жизни на пригородный не покидая привычной системы координат. Фактически, этот сегмент постсоветского города создает основу для развития внутреннего пригорода, когда фактическая граница города (как ареала урбанизма)

отодвигается внутрь от границы административной [Hanlon 2010; Nathan, Unsworth 2006].

Разумеется, масштаб самого города также не может не определять пределы его емкости для развития внутреннего пригорода: миллионный Омск, более трети площади которого занимает «частный сектор», предоставляет значительно больше возможности для развития субурбанизма, чем, например, Горно-Алтайск с населением немногим более 60 тыс. чел., более половины которого живет в «частном секторе». Можно предположить, что именно ограниченная емкость столиц национальных республик и нескольких высокоурбанизированных регионов (включая Иркутск) на первом из рассматриваемых этапов определила быстрый рост пригородных районов. Напротив, достаточно высокая емкость крупнейших городов (Новосибирск, Омск, и другие) привела к реализации субурбанизма как образа жизни по модели внутреннего пригорода.

Вторым фактором, определяющим динамику роста пригородов, на мой взгляд, является емкость пригородных муниципальных образований, связанная не с инфраструктурными (транспортными, инженерными или социальными) ограничениями, а с возможностью приобретения земли или более или менее легальным ее занятием. Действительно, ключевым вопросом включения в пригородную жизнь становится вопрос «о земле» [Тимошкин 2017]: именно оборот земельных участков в значительной степени определяет как характер пригородной экономики, так и саму возможность роста пригорода. В российских условиях чрезвычайно важным оказывается предшествующий статус пригородных территорий. Максимально свободный оборот земли сформировался в тех муниципальных образованиях, где до середины 1990-х основными владельцами (или, точнее, пользователями) земли были колхозы. Распад колхозов и распределение их земельных массивов через «имущественные паи» привел к формированию огромного рынка земли, потенциал которого начал реализовываться в качестве основы для стихийной субурбанизации. В тех же муниципалитетах, где ранее земля находилась не в кооперативной собственности (колхозной), а «принадлежала» или, точнее, находилась в управлении иных юридических лиц (совхозы, учхозы, подсобные хозяйства предприятий и т.п.) и не распределялась между физическими лицами, рынка небольших участков земли, доступного физическим лицам, не сформировалось. Оборот части этих земель до сих пор затруднен: собственникам – юридическим лицам значительно сложнее переходить в сферу не-

формальных практик оборота земли, чем мелким частным собственникам. Как следствие, темпы роста пригородного населения здесь оказываются существенно ниже.

Значимость последнего фактора хорошо заметна на примере иркутского кейса. Наиболее высокие темпы роста пригородного населения здесь фиксируются в муниципальных образованиях первого уровня на северо-востоке от областного центра, где до середины 1990-х располагались колхозы. Напротив, на северо-западной и юго-западной периферии города, где колхозов не существовало, развитие субурбии идет заметно медленнее, не смотря на близость к городской черте и значительно лучшую транспортную инфраструктуру. Альтернативу бывшим колхозным землям здесь представляют только массивы земель садоводческих некоммерческих товариществ, однако их масштабы существенно меньше, чем бывших колхозных земель.

Два выделенных фактора, несомненно, объединяет общая основа: и в случае развития субурбанизма по модели внутренних пригородов, и в случае роста внешних субурбий принципиальным является наличие рынка более или менее свободного оборота земли. Независимо от степени юридической чистоты приобретения и/или использования земли, такой рынок должен предполагать возможность выхода на него физического лица, ориентированного на приобретение небольшого участка. Именно этот рынок, на мой взгляд, создает условия для реализации тех факторов, которые выделяют исследователи в качестве источников постсоветской субурбанизации. В тех же случаях, когда рынок земли узок либо доступ на него открыт преимущественно для юридических лиц, реализующих субурбанизм как масштабные бизнес-проекты, развитие пригородов идет крайне медленно. Отмечу, что эта зависимость хорошо объясняет логику неравномерного развития внешних пригородов региональных-столиц, субурбии которых образуют не сплошное кольцо, а отдельные массивы, локализация которых лишь в самых общих чертах связана с транспортной инфраструктурой, но не может быть объяснена исключительно ею.

Обозначенные факторы, как мне представляется, могут внести некоторое понимание в специфику формирования региональной мозаики глобального тренда субурбанизации, все более отчетливо проявляющемся на востоке России. Значительная емкость крупных городов для развития внутренних пригородов в сочетании с не-

сформированностью рынка земли в пригородных территориях размывает процессы субурбанизации, концентрируя его преимущественно в черте городских округов – региональных столиц. Напротив, в небольших региональных центрах, емкость которых для реализации моделей внутренних пригородов невелика, а рынок земли в пристольичных муниципалитетах сложился довольно рано вследствие распада колхозов и наличия больших массивов земель дачных товариществ, рост пригородов начинает фиксироваться достаточно быстро. Безусловно, предложенные тезисы – лишь гипотеза, требующая подтверждения материалами конкретных кейсов, которые позволят выйти за пределы неширокого поля статистики.

Литература и источники

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. – 196 с.

Григоричев К.В. В тени большого города. Социальное пространство пригорода. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 248 с.

Казакова А.Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. – Саратов: Вузовское образование, 2017.

Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. – 2013. – №3(41). – С. 23–36.

Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 2015. – №. 4. – С. 59–67.

Мкртчян Н.В. Пристольичные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 26–37.

Тимошкин Д.О. «Помогу за коньячок»: неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 149–165.

Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – 220 с.

Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life // American Sociological Review. 1956. – Vol. 21. – №. 1. – P. 34–37.

Hanlon B. Once the American Dream: Inner-Ring Suburbs of the Metropolitan United States. – Philadelphia, PA: Temple University Press, 2010. – 224 p.

Hirt S. *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City* – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. – 254 p.

Nathan M., Unsworth R. *Beyond City Living: Remaking the Inner Suburbs* // *Built Environment*. – 2006. – V. 32(3). – P. 235–249.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe* – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. – 360 p.

Walks A. *Suburbanism as a Way of Life, Slight Return* // *Urban Studies*. – 2013. – V. 50(8). – P. 1471–1488.